

«В январе 1228 года русские князья Юрий и Ярослав Всеволодовичи, их племянники Василько и Всеволод Константиновичи и Муромский князь Юрий Давидович вошли в мордовскую землю. Там они сожгли Пургасову волость, набрали полон и отправили его в свои вотчины. Мордва сбежала в лесные тверди. А кто не сбежал, те были избиты дружиной Юрия Всеволодовича. Видевшие это молодые воины остальных князей тайком отделились от своих дружин и двинулись вглубь мордовского леса. Путь им был открыт».

*Суздальская летопись
по Лаврентьевскому списку.*

Глава первая

Твердь эрзян нашлась там, где и обещал провожатый. Прижавшись одной стороною к реке, она растянулась вдоль ее берега. Сказать, сколько там домов, не позволял высокий тын, но к облакам, по-зимнему низким, струились ручьями дымки очагов. Кочень, молодой дружинник, принялся считать их вслух. Ему не мешали. Ворота эрзяне успели затворить, и русичам пока делать было нечего. Не успев ворваться в твердь, они вынужденно остановились в заснеженном поле, не дойдя до ворот не более двухсот саженой. Четверо из них проехали вперед чуть дальше остальных и несколько минут стояли, молча рассматривая укрепления. Затем один из них, расстегнув ремешок, стянул с головы шлем и, приторачивая его к поясу, сказал:

— Чую, сегодня не пригодится. — Надев вместо шлема бархатную, опушенную соболем шапку, он обернулся к соседу. — Мечеслав,

ты эту твердь, что ли, сулил взять изгоном. — И видя, как тот досадливо морщится, хохотнул: — Так что, может, попробуешь? Нет?

— Тебе бы, Ероха, все шутки шутить, — отвечал Мечеслав, воевода в этом набеге, продолжая рассматривать стены крепости, которую надеялся захватить с наскока.

Ероха после его слов сразу насупился.

— Я предлагал тебе с вечера ехать. Но ты же с Жирославом сговариваться начал. Время потерял. А то бы нагрянули прямо с рассветом, и не успели бы они затвориться!

— Успели бы, — пришел на выручку своему воеводе державшийся позади всех кряжистый дружинник лет тридцати пяти. Подобно Ерохе, он уже сменил стальной шлем на меховую шапку и, спешившись, поправлял конскую сбрую. — Они заперли ворота, когда про нас прослышали. Вчера или до этого.

— А ты, Жилята, с чего так решил? — обернулся к нему Мечеслав.

— С того, что по пути мы никого не встретили и никого не догнали. Стало быть, весь люд с округи еще раньше тут укрылся. Ну и чего им держать ворота открытыми?

— Да-а! — развел руками Ероха. — Что теперь будем делать?

Тут подал голос молчавший до этого совсем молодой парнишка, над головой которого вместо копейного жала безжизненно обвис красный с золотом клинышек стяга.

— Дядька Мечеслав, надо сейчас на них ударить! — Блестя дорогой и добротной броней, он выехал вперед воеводы. — Воинов на стене мало, а нас не многим меньше сотни. Собьем их!

— Не собьем, — возразил Жилията. — Туда сбежалась прорва народу. Найдется, кому стены оборонять. Воинов из них, конечно же, немного, но ты глянь вон туда! И туда! И вон еще! — Жилията, скинув рукавицу, указал пальцем на поднимающиеся над самой стеной дымы.

— Смолу кипятят? — догадался Ероха.

— Да. Лить ее тебе за ворот у мужичья сноровки хватит! Нам больше сил надо, чтобы взять эту твердь!

Некоторое время все молчали, продолжая рассматривать стену и подмечая перемещения на ней защитников. Тех за последние минуты и в самом деле сильно прибавилось, так что даже Изяславу стало ясно — сил, что у них есть, для штурма недостаточно. Видимо, осознав это, Ероха, вздохнув, поинтересовался, сколько воинов приведет с собой Жирослав. Узнав, что примерно столько же, сколько смогли собрать они с Мечеславом, он очень удивился.

— Ого! Силен боярин! — И, помолчав, посетовал на то, что придется с ним делиться добычей.

— Придется, — кивнул Мечеслав. — За то мы с ним вместе возьмем эту твердь. Поставим половину дружинников с луками, так чтоб на

стене не смели шевельнуться. Остальные тараном сломают ворота. Думаю, малой ценой обойтись.

Тут Ероха усомнился в том, что половину добычи, которой придется поделиться с Жирославом, можно назвать малой ценой. На это Мечеслав укорил его, сказав, что настоящей ценой он считает жизни пошедших за ними дружинников.

— Их надо беречь! Ну, да и тех вон, — русой бородкой кивнул в сторону тверди, — убить придется куда как меньше. Не забывай, нам за наше своевольство ответ держать перед князьями. Вот и хочю половиной полона Юрию Всеволодовичу поклониться. Это ему должно прийтись по сердцу!

Ероха очень страшился княжьего гнева за самовольное оставление воинского стана вместе с вверенным отрядом. Поразмыслив над словами Мечеслава, он нашел в них резон и нехотя согласился.

Скоро воевода устал смотреть на крепость и отвел от нее взгляд, скользнув им по веткам ближайших деревьев. Ватага ворон, собравшаяся там при появлении дружины, от холода и скуки теряла терпение. Большие черные птицы прыгали с ветки на ветку, иногда сталкивались друг с другом и все время орали, но пока что не улетали, а с надеждой поглядывали на русичей. Недолго понаблюдав за ними, Мечеслав поворотил коня и встал к крепости спиной.

— Если мы зря положим дружину, к князьям лучше вовсе не возвращаться. С меня Юрий Всеволодович голову снимет, да и тебя твой князь Ростовский Василько Константинович не помилует, даром, что ты у него в ближниках ходишь. — Воевода, хмыкнув, покосился на Ероху. — Подмогу ждать будем! — Решив так, он тронул коня с места, когда рядом с ним возник Жилията.

— Можно с мордвою поговорить, — сказал он, взявшись рукой за носок воеводского сапога. — Можно предложить им от нас откупиться.

Ероха хохотнул.

— И чем же ты их улещивать станешь?

Не ответив ему, Жилията снизу вверх смотрел на Мечеслава. Тот уже снова был серьезен.

— Что ты им скажешь?

— Скажу, что сюда идут князьи дружины. Завтра поутру придут. Град возьмут на шит. Всех, кто там есть, порубят или полонят. А если дадут выкуп, то мы их град не тронем. Уйдем и направимся к следующей тверди.

— А сами?! — Ероха вплотную подъехал к Жилияте и навис над ним, словно башня. — Дождемся, пока они вынесут выкуп и...

— Возьмем выкуп и уйдем. — Жилията впервые удостоил его вниманием, глянув так, что жеребец Ерохи, будто своей волей, отпрянул в сторону, увеличивая расстояние. После этого Жилията вновь повернулся к Мечеславу. Тот выдержал паузу, потом пожав плечами, усомнился в том, что с этой тверди можно взять

хороший выкуп. Ростовец вторил ему, пренебрежительно махнув рукой в боевой рукавице в сторону града.

— Да что вообще там может быть? Ну, кроме их самих, конечно!

Жилята отпустил сапог воеводы и прошелся по тропе, в сторону мерзнувшей в ожидании дружины. Окликнул:

— Кочень! Рысью сюда!

Подскакал совсем молодой, безусый дружинник. За несколько шагов он лихо соскочил с лошади и, придерживая ножны меча, подошел к жожакам.

— Сколько там домов? — спросил его Жилята.

— Насчитал за сотню, но потом оставил.

— А что так? Сбился что ли?

— Чего это? — искоса посмотрел Кочень на старшину ростовцев. — Считать надоело! Сто домов и так не мало! А это, должно быть, как раз половина. Но если надо, то я могу сызнава...

— Ступай! — отпустил его Жилята и обернулся к Мечеславу. — Две сотни домов там. — Он указал рукой на крепость. — Людишек, должно быть, не менее тыщи. Живут здесь давно и добра накопили. К ним прибавь народ с округи. Тоже, поди, не с пустыми руками. Ныне зима. Они зверя набили. Шкурки, должно быть, свозят сюда. — Он замолчал. Выждал некоторое время и подытожил: — Вот эти-то меха у них и надо стребовать.

— Сколько просить? — переглянувшись с Ерохой, заинтересовался Мечеслав.

Жилята, прежде чем ответить, долгим взглядом окинул крепость, поле, реку и леса вокруг города. Потом, положив ладонь на рукоять меча, сказал:

— Стребуем с них два соболя с дыма. А если что другое, то на ту же цену.

— Ого! Я в Ростов приеду богатым!

Мечеслав был более сдержан.

— Они отдадут нам столько добра? — С сомнением он покосился на стены, потом перевел взгляд на Жиляту.

Тот, усмехнувшись, пожал плечами.

— Об этом надо спросить у мордвы.

Мечеслав, снова повернувшись лицом к тверди, задумался. Жилята, стоя рядом, ему не мешал, искоса наблюдая за Ерохой. Тот загорелся возможностью легкой поживы и долго ждать не собирался.

— Жилята дело говорит! — подступился он к воеводе. — Стоит попробовать! Что мы теряем?

Мечеслав нехотя кивнул.

— Будь так. Поедешь с ним?

Ростовец с радостью согласился. Изяслав тоже хотел ехать, говорил, что с посольством должен быть стяг, но воевода только шикнул на него и Изяслав сердито насупился. Мечеслав, не обращая более на племянника внимания, напутствовал послов.

— Ероха, говорить будешь ты. Скажешь им все так, как говорил Жилията и потребуешь выкуп. Станут торговаться, стой на своем. Ты, Жилията, если что, помоги ему советом. В спор не влезай. Пусть про Ероху думают, что он большой боярин. А для пущей важности, возьми с собой двух гридней из наших — из суздальских. Все ли понятно? Ну, так ступайте с богом!

Скоро четверо русских дружинников направились в сторону мордовской тверди. Первым, важно подбоченившись, восседал на своем жеребце ближник ростовского князя. Рядом с ним, но отставая на полкорпуса, ехал Жилията. За ним следовали гридни. Ими были Кочень и его друг, сверстник Мезеня. Назначение первого, Жилията объяснил так — очень толковый! Про Мезеню же, рыжеволосого, высоченного и плечистого парня, сказал вопросом — видали каков?

Кони шли шагом. Крепость близилась не спеша, с каждой саженью разрастаясь размахом и высотой своих стен. Сейчас там было пусто. Появившиеся при появлении русичей воины спрятались за тыном, ничем не выдавая своего присутствия. Первым на это обратил внимание ростовец.

— Тихо-то как, — сказал он Жилияте.

Тот уже и сам заметил, что из крепости, до которой оставалось менее половины стрелища, не доносится ни единого звука. Ни людских

голосов, ни рева скота. Собак, и тех не было слышно. Город, казалось, замер, стараясь не привлекать внимания, как будто надеясь на то, что находники могут его не заметить и пройти мимо. Жители его притаились в ожидании. Даже на стенах дружинники, сколько ни всматривались, к своему удивлению никого не видели.

— Только что ведь были! — удивился Кочень.

— Попрятались все! Нас испугались, — глумливо подмигнул Ероха.

— Похоже, не хотят тут с нами разговаривать. — Жилята был хмур и встревожен одновременно. — Может, их позвать?

— Зови уже!

Жилята обернулся к ехавшим следом за ним гридням. Те от оказанной им чести преисполнились важности и на крепость взирали с пренебрежением. На шее у Коченя висел окованный серебром рог тура. Жилята уже собирался приказать ему трубить, но тут тишина раскололась от удара металла по мерзлому дереву и тотчас взорвалась от грая взбесившегося воронья. Это оставшаяся за спиной дружина занялась обустройством своего стана, а несколько воинов принялись рубить старую разлапистую сосну для обещанного Мечеславом тарана. Сам воевода оставался на своем месте. Рядом с ним со стягом стоял Изяслав. Оба неотрывно смотрели на крепость.

«Стяговника неплохо было бы взять с собой», — подумал Жилята и подал знак. Кочень принялся дуть в рог, и тотчас стало ясно, что переговоров не будет. Эхо от сигнала еще не улеглось, а на стене уже появился мордвин и очень метко выстрелил в Ероху из лука. Тот у самого лица отбил стрелу мечом. Вторую принял на переброшенный со спины щит. Между тем Мезеня закрыл его справа, а Кочень, бросив рог, извлек лук, не целясь, пустил стрелу и угодил ей этому эрзянину чуть-чуть выше глаза. Тот без вскрика упал со стены. И тут же на его месте появились новые лучники.

— Уходим! — заорал Жилята в ухо ростовцу, но тот уже и сам поворотил коня.

— Уходим! — еще раз крикнул для остальных и услышал, как под кем-то завизжала раненая лошадь. Оглянулся. Мезеня, закинув щит за спину, мчался за ним следом. Кочень, пустив еще пару стрел, последовал его примеру. Убедившись, что юнцы не замешкались и не отстали, Жилята колот коня шпорами, понуждая мчаться во весь опор. Остановился он только за несколько шагов от Мечеслава. Оба гридня были на месте, но Кочень болезненно кривился и правой рукой шарил по спине. Мезеня хотел ему чем-то помочь, но не знал, чем, и от этого почему-то казался виноватым.

— Ну-ка! — Жилята поспешил к ним. На спине Коченя, у левой лопатки, на тусклой броне светлела отметина. Железные кольца в этом

месте были смяты, а одно или два разорваны, так что через них был виден поддоспешник.

— Бог к тебе милостив. — Жилията нажал на то место пальцем. — Пошевели рукой. Больно? Зашибло тебя, но кости все целы. Стрела тебя в полсилы ударила. Кольчуга сберегла. Однако же с такого расстояния попасть напротив сердца?! Ловки стрелки эрзянские...

— Ловки? Вот он ловок! — Подъехавший Мечеслав принялся хвалить Коченя за удаль и сноровку.

На удивление Жилиаты, он не казался хоть сколько-нибудь раздосадован тем, что переговоры не состоялись. Обернувшись к собравшимся вокруг дружинникам, воевода сказал, что хотел разойтись с эрзянами миром, но те, как видно, решили иначе.

— Поутру мы возьмем эту твердь. За то, что послов наших встретили стрелами, сегодня они уже кровью умылись. То добрый знак! Господь пособляет христовому воинству! Значит и завтра нас не оставит! Утром всех поганых, кто нам воспротивится, будем крестить железом и кровью. Все остальные станут рабами. Всех их самих, их жен, детей и все добро к вечеру я разделю между вами.

Последние слова Мечеслава вызвали бурю радостных возгласов. Суздальские, Ростовские и Ярославские дружинники так громко выражали одобрение вождю, что Жилията не с первого раза сумел в общем шуме различить крик.

— Конный! Из города конный! Вы гляньте! — кричал Кочень. Встав на стременах, он рукой указывал куда-то через поле. Там, в облаке взбитой конем снежной пыли, по льду реки стрелой мчался всадник.

Крики восторга сразу затихли. В наступившей тишине кто-то произнес:

— До него сажений триста.

И кто-то добавил:

— Уже не догнать. — И высказался матом.

Несколько человек его поддержали. Ероха, возвысив голос, стал выговаривать Мечеславу за то, что русичи прозевали гонца. Некоторые дружинники, особенно Ростовские и Ярославские, к нему прислушивались. Кое-кто, поддакивая Ерохе, стал задавать вопросы. Но Мечеслав был невозмутим.

— Гонца послали — что с того? Куда? Да в ближайшую твердь, подмогу просить. Пока доберется, пока соберутся, пока дойдут. Сюда не успеют. Откуда все знаю? Да от него, — воевода кивнул на провожатого. — Он сам мордвин и места эти знает.

— Ты ему веришь? — Сразу несколько человек выразили сомнения.

Мечеслав кивнул.

— Он из мокшан, крещен в нашу веру. Во Христе наречен Александром, а по-простому кличут Мирята.

Многие посмотрели на провожатого так, как будто видели его впервые. Мордвин в пра-

вой руке держал топор, а в левой сухую корявую ветку, которую собирался рубить на дрова. Услышав Мечеслава, он бросил ее, сунул топор за цветасто расшитый пояс и подошел к воеводе. Стоя перед дружиной, Мирята в своем кожухе из беленой овчины выделялся светлым пятном на фоне серо-стальной бронированной массы. На заданные вопросы он отвечал неторопливо, видно, с некоторым трудом складывал в речь слова не родного ему языка. О том, что дружинников волновало больше всего, сказал:

— Гонец до соседей доедет к утру. Помочь они им, — махнул рукой на крепость, — не смогут.

Слова воеводы, подкрепленные заверениями провожатого, успокоили дружинников, и они, досмотрев, как гонец скрылся за изгибом речного берега, вернулись к оставленным делам. После перехода хотелось как можно скорее к огню, чтобы на нем приготовить горячее. К сумеркам большие костры осветили дальнюю от крепости сторону поля. Дружинники собрались вокруг них, ловя ароматы вкусного варева. Разговаривали мало, на крепость не смотрел никто, кроме сторожей. В наступившей тишине отчетливо стучали у леса топоры. Поваленный сосновый ствол требовалось еще укоротить, затесать и очистить от веток.